

Дмитрий DM

ПОСЛЕДНИЙ
РИМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий ДМ
Последний РИМ

«Автор»

2026

DM Д.

Последний РИМ / Д. DM — «Автор», 2026

Фантастические явления в жизни человека проявляются в разных видах, формах и их даже невозможно счесть. Иногда что-то происходит рядом, но мы не видим, иногда что-то предчувствуем, но не придаем значения... И лишь столкнувшись понимаем, что Вселенная совсем не такая какой мы ее представляем. Насобирал в голове множество идей и тем для коротких фантастических историй. Решил сделать сборник рассказов в различных фантастических жанрах начиная от научной фантастики и заканчивая фэнтези. Рассказы буду сюда периодически кидать, так что кому интересно подписывайтесь чтобы не пропустить интересное.

© DM Д., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий ДМ

Последний РИМ

От автора.

Фантастические явления в жизни человека проявляются в разных видах и формах, их просто невозможно счесть. Иногда что-то происходит рядом, но мы не видим; иногда что-то предчувствуем, но не придаём значения... И лишь столкнувшись, понимаем: Вселенная совсем не такая, какой мы её представляли. Я насобирал в голове множество идей и тем для коротких фантастических историй и решил сделать сборник рассказов в разных жанрах от научной фантастики до фэнтези. Сборник всегда будет в статусе «Завершён» (рассказы буду сюда периодически добавлять, так как не знаю, когда закончу этот сборник). Поэтому, кому интересно, подписывайтесь, чтобы не пропустить что-нибудь интересное.

Содержание:

Проекция.

Отсутствие притяжения.

Одинокая птица.

Мэки красная рука.

Прощай Земля, планета молодых.

Пустота.

Дикие.

Эхо.

Проекция.

"Бойся своих желаний, если не выстрадал их своим существованием".

Лаврентьев осторожно подкрался к двери, чуть помедлил, прислушиваясь – что там за ней? Вроде все тихо. Опрометчиво, не ожидая угрозы, спокойно потянулся и схватив дверную ручку, резко рванул на себя. Как говорится, «на автомате», машинально подался всем телом вперед, влетая внутрь дома, но тут же остановился и остолбенел. В небольшом коридоре стоял мужик с безумным взглядом сумасшедшего, наставив на него что-то вроде ружья. Полицейский уперся практически лицом в дульный срез. Черный кружок смерти судьбоносно смотрел прямо ему в правый глаз.

«Сука! Ствол!», — бахнула у него в голове мысль.

Он, словно кошка, прыгнувшая на горячую печку, мгновенно отпрыгнул в сторону, впрочем, успев захлопнуть обратно дверь. И вовремя. Потому что бахнуло уже за дверью, разметав ее на мелкие куски. Попутно вырвало дверной косяк, который вылетел рваным воздушным змеем, за ним фонтаном часть штукатурки, следом последовала непонятная яркая вспышка и служебная машина Лаврентьева, Форд Фокус, стоявшая, как раз на одной прямой с дверью, разлетелась на части.

Сам полицейский, размахивая руками, свалился с крыльца в кусты розового шиповника. Он, не мешкая, на карачках, с треском, прорвался сквозь шипастые ветки, потом перекатился, как в индийском боевике и оказался за спасительным углом дома. Прислонился спиной к стене кашляя и отплевывая горячую пыль, потряс головой.

«Еб твою мать! Что это было?!», — спросил он сам себя, продолжая трясти головой и смахивая кусочки древесины и штукатурки с куртки и волос.

Плечо онемело, но через пару секунд нестерпимая, ломящая боль накрыла, сообщая мозгу – на выбор: перелом, сильный вывих или сильный ушиб. По лицу тонкой струйкой потекло что-то теплое. С правой стороны на щеке легкое жжение.

«Сука... Задел!», — подумал Лаврентьев, размазывая неповрежденной рукой кровь на лбу.

Он сосчитал про себя до десяти и обратно.

«Заряд прихватил, и сильно... но жить буду», — отметил он.

Где-то там в доме вопил подозреваемый, который по предварительным данным взял в заложники жену и двух своих детей:

— Не смейте! Не смейте! Вас нет! Не вздумайте даже... Даже не пытайтесь!

Лаврентьев осторожно, пригибаясь и поддерживая руку, вышел с боковой стороны строения на дорогу. Держа в поле зрения развороченный вход в дом и окна, достал мобильный телефон и присел за кустарником. Связался с отделением, запрашивая поддержку, попутно кратко обрисовав ситуацию.

— Подозреваемый в доме. Вооружен... Чем-то вроде гранатомета, не разобрал. В невменяемом состоянии. Чрезвычайно опасен... Стреляет без предупреждения. Я не ранен, только немного оглушило. Веду наблюдение.

Через несколько минут подъехало несколько полицейских машин. Две перекрыли оба въезда на улицу, а еще одна встала за покореженным Фордом Фокусом. Лаврентьев устало проковылял через дорогу и присоединился к коллегам, которые вылезли из машин и пригибаясь, заняли позицию за ними, используя, как защитную стену.

— Палыч что здесь твориться? — спросил один высокий полицейский, в мятом, выдавшем виды пиджаке, одновременно доставая из плечевой кобуры пистолет.

— Хуй его знает. Какой-то патлатый пидар едва меня не размазал по асфальту из какой-то базуки. Едва ноги унес... Еще секунда и перемешал бы меня с моим Фокусом в греческий салат.

Полицейский «из подмоги» несколько секунд рассматривал изувеченный Форд Фокус.

— Мда..., — протянул он, потирая подбородок.

Другой, тоже посмотрев на останки машины предположил.

— РПГ-7 или Муха.

— Я не видел, — отмахнулся Лаврентьев, — больше было похоже на пиратское ружье из..., — он задумчиво покусал губы, — как из детского мультлика про Бармалея. Ну такое, знаете с расширением на конце ствола, как у музыкальной трубы. Типа игрушечное...

Полицейские уставились на него.

— Палыч, какая еще труба? Может самодел какой? Сейчас могут собрать все что угодно. В Интернете этого добра, как говна за деревенской баней.

— Не знаю ребята. Но шарахнуло, как из пушки сами видите, — и тут же предложил, — ну что может зайдём с трех сторон и возьмем говнюка?

— Ты чего песни Вальхалы услышал? Посмотри вокруг, здесь прямо бой шел. Так что, нет, не рвись, — ответил один из коллег, — Николай Вениаминович спецов вызвал. Сейчас придут, пусть сами разбираются, что там за труба, как у пиратов... Кстати, что у тебя с лицом?

Лаврентьев наклонился к зеркалу заднего вида у одной из машин. Лоб в размазах крови, кожа словно получила солнечный ожог, розовая, с одной стороны небольшой волдырь, протянулся длинной полосой от верхней скулы и почти до уха.

«Это он меня гребаной вспышкой приложил», — подумал он, поворачивая голову то правой то левой стороной.

Приехал автофургон со спецназом. Парни выпрыгнули из кунга и встали в закрытом от видимости секторе. Лаврентьев отправился к ним, оставив коллег наблюдать за домом.

— Ну и видок у тебя Палыч, — вместо приветствия сказал командир спецназовцев.

— Сережа, он чуть меня не размазал, нахер, — пожаловался Лаврентьев.

— Чем шмальнул?

Лаврентьев задумался на пару секунд.

— Что-то вроде гранатомёта, но мы думаем на самодел больше похоже.

— Ясно, — подытожил спецназовец.

Он махнул рукой одному из бойцов.

— Давай стрелка на позицию. Пусть держит окна и выход.

Потом быстро глянул на дом.

— Две группы. Щитовой заходит на адрес с правой стороны. Так, все, парни ничего нового, выдвигаемся на позицию и ждем моей отмашки.

Он повернулся к Лаврентьеву.

— Тебе медик нужен?

Тот отрицательно мотнул головой.

— Нет. Справлюсь. Когда войдете?

Спецназовец пожал плечами.

— Приказ был только встать на позицию, обложить дом и ждать.

Посмотрев на удивленное лицо полицейского, пояснил.

— Палыч, я не знаю, что у них там. Сказали ждать. Сейчас говоруна привезут, будет твоего гранатометчика увещевать. А дальше уже по ситуации. Два варианта: либо маякнет контуром в окне и стрелок его снимет, либо потопаем внутрь и там его уже уложим мордой в пол.

— Сережа, я с вами пойду.

— Палыч ты себя в зеркало видел? Вождь краснокожих твою мать... И плечо, я вижу, у тебя болтается отсушеное, как нарезка из минтая. Сиди уж...

— Нет Серега, не тормози меня. Ты мне друг или нет? За вами зайду через два метра.

Спецназовец досадливо цыкнул и покачал головой.

— Хер с тобой. Но только через два метра... За нами, после зачистки. И давай без самодеятельности.

— Идет.

Подъехал переговорщик. Полноватый, респектабельного вида мужик с звучащей, для своей деятельности фамилией, Балакирев. Позвали Лаврентьева.

— Палыч, доброго денечка, — сухо поздоровался переговорщик, — говорят ты видел пациента. Что можешь сказать?

— Ничего, только то, что он совсем не в себе.

— Обдолбанный?

Лаврентьев задумался.

— Нет не похоже. Но взгляд хоть и сумасшедший, но осмысленный.

Переговорщик усмехнулся и вытащил из кармана пачку сигарет, вытащил одну и протянул пачку полицейскому.

— Умеешь ты Палыч, дать определение «сумасшедший, но осмысленный». Нарушаешь второй закон логики.

— Слава, ты меня спросил, что я думаю, я тебе ответил! Чего ты от меня хочешь еще? Он мене чуть башку не снес! – разозлился Лаврентьев, — иди у него сам спроси!

— Ладно не пыхти, — миролюбиво буркнул переговорщик.

За оцеплением начали собираться зеваки, кто-то уже достал смартфон и держал наготове для съемки горячего видео. Подъехала еще одна машина.

— Так нормально... Привезли мать и сестру твоего гранатометчика. Пойду перекинусь парой слов, — сказал переговорщик, бросая окурок.

«Блять, уже окрестили подозреваемого гранатометчиком. С моих слов окрестили... Теперь ребята в отделе будут каждый раз прикалываться», — вздохнул про себя Лаврентьев, — «да и хер ними, пусть будет гранатометчик».

Пока спецназ «обкладывал» дом, а переговорщик беседовал с родными подозреваемого, Лаврентьев сел на бордюр у дороги, рядом с последними, желая послушать их разговор. Переговорщик знал свое дело. Он доверительно приобнял мать гранатометчика.

— Валентина Николаевна, у вашего сына не было в последнее время каких-либо стрессов, потрясений? Ну например на работе или в семье?

Женщина всхлипнула и заплакала, не находя в себе сил внятно ответить.

— Нет... Нет...

— Он говорил, что сделал какой-то очень крутой проект, — ответила вместо матери его сестра, — говорил, что это перевернет все что мы знаем о нейросетях. Я его тогда спросила, конкретно, что он имеет ввиду, но он лишь посмеялся, дескать всему свое время. Он был очень воодушевлен.

— Хм... — переговорщик достал еще сигарету, — вы не против? — кивнул он сестре «гранатометчика».

— Нет, не против, — ответила она, — дайте мне тоже, — спросила девушка, — я так-то не курю, но сейчас... Вот мне очень нужно.

— А кем работал ваш брат? — спросил переговорщик.

Лаврентьев знал, что парламентар еще в машине прочитал все что мог найти о подозреваемом, но задавая вопросы родным пытался найти скрытые маркеры в его профайле.

— Он работал IT специалистом в одной небольшой фирме. Они разрабатывали аналог GPTChata. Знаете, что это такое? — спросила девушка.

— Да знаю, — кивнул переговорщик, — чат-бот с искусственным интеллектом, разработанный американской компанией OpenAI и способный генерировать в диалоговом режиме контекст разного направления тексты, изображения, код по словесному описанию. Да, занимательная штука.

«Делать вам нехер», — подумал про себя Лаврентьев, как человек далёкий от всех достижений в сфере IT, а тем более смутно понимающий, что такое нейросети или Искусственный Интеллект.

— Хм... В тренде... Значит на работе у него все было хорошо?

— Да. Начальство его ценило и зарплату ему давали выше, чем у остальных сотрудников.

— Ясно. А в семье у него как все складывалось? Скандалы, недопонимание, может измены, то есть то, что может вывести нормального человека из равновесия.

— Нет что вы! У них замечательная семья. Он очень любит жену и детей и Оксана... Она знаете какая? Хозяйка, красавица, любит его. Они вот и дом купили.

«Ну с чего-то же у него крыша поехала», — подумал Лаврентьев, отбрасывая окурочек, — «мотив есть всегда. А может он долбаный Чикатило. Жил себе и держал в себе все дерьмо. И вот срок пришел ему выплеснуться наружу. И понеслась душа в рай. Сколько я таких видел...».

— Скажите, а он не увлекался каким-то хобби... Скажем так, связанным с оружием или может посещал какие-то психологические группы по интересам? Какие-то неформальные? — спросил переговорщик.

— Ничего такого, нет-нет, — замотала головой девушка.

— Он... он..., — всхлипнула мать, — неделю назад позвонил... Говорил какую-то глупость, что нас нет, что мы иллюзия. Я хотела перезвонить, но он больше не отвечал.

— А он не пояснил, что имел ввиду? может быть, упоминал людей вам не знакомых?

— Нет, — снова ответила за мать девушка, — я потом пыталась до них дозвониться...

Внезапно в доме раздался непонятный рык.

— У вашего брата есть в доме животное? – спросил переговорщик, после небольшой паузы и искоса поглядывая на дом.

«Ага, таежный слон и арктический страус», — ответил за девушку Лаврентьев, — «похоже начинается самое веселье... А я-то думал выстрел светящимся шаром был апогеем вечеринки».

— Нет... У них даже кошки не было... У Оксаны аллергия на шерсть.

Переговорщик посмотрел на Лаврентьева.

— Нет, я не видел ни кошки, ни собаки... Хотя, как по мне так, это сейчас, орал динозавр или тигр.

Балакирев поморщился, давая понять Лаврентьеву – ну чего ты несешь? Здесь же его родственники.

— Вы можете поговорить с сыном? – переговорщик-парламентёр снова доверительно приобнял мать подозреваемого.

Женщина что-то нечленораздельно всхлипнула, что можно было истолковать как утвердительный ответ.

«Становится все интереснее и интереснее. Не зря у меня с утра предчувствие было», — Лаврентьев встал, направляясь к спецназу — «оно меня редко подводит. Думаю, придется грубо ломиться в хату предварительно вышибая калитку».

Уже за спиной краем уха он услышал, что попытка дозвониться по телефону не удалась и в ход пошел ручной громкоговоритель.

— Анатолий, с вами хочет поговорить ваша мама. Она просто хочет убедиться, что с вами все в порядке.

В ответ снова непонятный душераздирающий вопль, крики детей и женщины, затем непонятный треск, словно от электрической дуги.

«Вот и поговорил с мамой», — подумал Лаврентьев.

Но парламентёр Балакирев тертый калач, его так не возьмешь, поэтому он не оставлял попыток: то через мегафон, в сторону дома, всхлипывала мать, то говорила сестра, то он сам начинал какие-то истории из своей жизни, пытаясь на волне откровенности войти в доверие «гранатометчика» — все в пустую, ответ молчание.

Предчувствие Лаврентьева не обмануло все шло к штурму и вот-вот должен начаться заход спецназа в дом. Но перед произошло событие, накалившее и без того не простую ситуацию. Подъехала еще одна машина и из нее вышел сам начальник отдела.

«Чет серьёзное начинается... Генералиссимус пожаловал чичас на белом коне указующим перстом покажет движение полков», — отметил про себя Лаврентьев и переместился по ближе к начальству.

— Что у нас? – без всяких формальностей спросил Николай Вениаминович.

Все кратко отчитались по обстановке, как видели они, и в двух словах высказали свое мнение. Итогом общего кворума стало – надо штурмовать дом, пока не стало еще хуже, то есть пока по некоторым, косвенным данным, живы заложники. Полковник задумался на пару секунд, рассматривая, дымящиеся останки Форд Фокуса.

— Вот что Сергей, — обратился он к командиру спецназа, — подозреваемого необходимо взять живым.

Лаврентьев видел, как дернулось мышца глазного века у друга – понятно, если из дома шмаляют из гранатомета, даже пусть и самодельного, есть серьезный риск для бойцов – он за каждого в ответе. Начальник отделения, словно зная о чем сейчас думает командир спецподразделения пояснил.

— Позвонили сверху, прямо из Москвы. Есть приказ, взять придурка живым. И чтобы ни один волос с его дурьей башки не упал. Вот такие дела ребята.

— Сделаем, раз им так надо, — спокойно ответил спецназовец и повернувшись ушел планировать заход в дом.

Его задача в разы усложнялась.

Лаврентьев тоже, не стал слушать начальство, а тихим сапом отклеился от «пятиминутки в Филях», как он окрестил небольшое совещание и увязался за командиром спецназа.

— Вить, будь другом не ходи с нами, — попросил его спецназовец, — ту же видишь Биг Босс на холме стоит... Ну куда тебе?

— Я под Кандагаром в разведроту и не такое видывал, — парировал Лаврентьев, — и ты обещал

— Обещал... Он потом мне мозги склюет. Давай в следующий раз. А? Я тебя в следующий раз, вообще вперед пушу щитовым. И тем более, когда ты под Кандагаром за душманами бежал? Тридцать лет тому назад. Старше тебя в отделе нет никого.

Но Лаврентьев не унимался. Он схватил друга за плечо и повернул к себе.

— Мне не нужно в другой раз! Тут что-то не так. Я это жопой чувствую. Ты слышал, как динозавры там орут?

— Ты совсем ёбу дался? Вить, какие динозавры? Какое ружье Бармалея? Ну не могу я, ты чего не видишь? Меня потом со службы попрут если тебя гранатомётчик завалит. Тут и так... Без тебя проблема нарисовалась... Электричеством придется его укладывать.

Пока они препирались, Лаврентьева окликнул начальник отдела.

— Вот ты..., — злобно выдохнул Лаврентьев и пошел на зов высокого чина.

«Ладно, хер вам, я найду лазейку», — он и не думал отказываться от своего желания войти в дом.

Улучив момент, когда начальник отдела повернулся к переговорщику, он мгновенно вильнул за угол дома. Прислонившись к глухой стене, он пропал из поля зрения всех.

«Как начнется толкотня в доме я найду окно и влезу в него», — подумал он, — «тем более дружественного огня не будет, так что нечего бояться».

За углом раздался раскатистый хлопок светового гранаты, потом еще один и стройный топот десятка ног, который перемежался с криками приказывающими лежать.

— Все пошла жара, — сказал Лаврентьев, оглядываясь по сторонам.

Внезапно дом дрогнул, и как в ночном кошмаре полились странные звуки, один за другим: сначала, прерывистые, словно из фантастического фильма, когда космические истребители пуляют красными черточками лазеров, потом синтетический голос оглушительно возгласил...

— Threat detected.

После него кричали уже спецназовцы. Беспорядочный треск электрошокеров PDG-S5. Потом, несколько запоздалых пистолетных выстрелов.

—The object has been destroyed.

Опять душераздирающий рык «динозавра». Его сменил, толи грохот гигантских шагов, толи небольшое землетрясение. В конце, что-то пару раз, гулко ухнуло за углом. Затихающие вопли раненых людей и торжествующий глас «гранатомётчика».

— Вас всех не существует! Вы всего лишь иллюзия!

И все разом стихло. Только, какой-то, похоже по издаваемому звонкому шуму, кусок железа звонко катился по асфальту.

Лаврентьев пришел в себя, через пару секунд, чувствуя, как легкий ветерок задувает в открытый рот, а широко раскрытые глаза начали слезиться из-за того, что он долго не моргал.

— Это что сейчас было?! – спросил он сам себя.

Он осторожно выглянул за угол дом и оцепенел — все полицейские машины представляли собой клубки покореженного дымящегося металлического лома. Мятые кузова словно проткнули раскаленными стрелами или рубили гигантским топором. В паре десятков метров

от дома лежали беспорядочно разбросанные тела спецназовцев и полицейских. Некоторые, по-видимому, были живы и издавали тихие стоны.

Он, оглядывая разгром, присел на корточки.

— Это что за хуйня творится?

В паре метров от него лежал командир спецназа.

«Серег!» — Лаврентьев бросился к нему.

Тот дышал, но замутнённый взор говорил о том, что он тяжело ранен.

— Сейчас братишка, я тебя вытащу! Что там было?

Лаврентьев подхватил друга просунув руки подмышки и потащил его за угол здания.

Командир спецназа что-то прошептал.

— Ты чего? Серега, я не слышу. Что ты сказал?

Он наклонился, подставив ухо почти к его губам.

— И никто не поверит... — едва слышно прошептал спецназовец.

— Серега... Я же тебе говорил... Мне нужно было с тобой идти, — причитал он, пристраивая его у стены дома, — сейчас, потерпи чуток... Вызову медика. А пока вот сам... Помнишь, как раньше в молодости...

Он дернул липучки на броннике и остановился. Бронежилет прошло насквозь, как и тело его друга. Из-под ткани торчали черные лохмотья кевларового волокна, а в груди зияло небольшое сквозное отверстие с запекшейся кровью на краях. Лаврентьев медленно, словно во сне, осторожно, снял часть амуниции и посмотрел на командира спецназовцев. Тот больше не дышал, веки полуприкрыты, зрачки расширены, тело обмякло. Лаврентьев опустил голову на грудь друга.

«Вот и все», — подумал он, закрывая глаза.

Сколько он так просидел, полицейский не знал. Лаврентьев поднялся, аккуратно положил друга, расправив ему руки. Накрыл мертвеца серебристым покрывалом из тактической аптечки, заботливо подоткнув края под тело. Потом достал смартфон и позвонил дежурному в отделение. Сухо и кратко, голосом, лишенным эмоциональной окраски, обрисовал ситуацию. Не став слушать ошарашенного дежурного, убрал смартфон. Вытащил из плечевой кобуры ПЛК и сняв с предохранителя, передернул «мягкий» затвор.

— Я иду за тобой, сучонок, — злобно процедил он сквозь зубы.

Памятуя свою прошлую попытку, полицейский осторожно, едва ли не на цыпочках подкрался к выходу из дома. Как и тогда — тишина. Он также осторожно поднялся по бетонным ступенькам на крыльцо и заглянул в дом. Держа пистолет у груди и готовый сразу стрелять на поражение. Вошел. Внимательно огляделся и даже принял. Вроде бы дом, как дом, но что-то необычное витало в его атмосфере. Лаврентьев ощущал это каким-то сверхъестественным чутьем, складывая пазлы внутреннего предчувствия из микроскопических деталей обстановки.

«Где-то ты здесь, говнюк, я тебя чувствую», — он медленно продвигался вперед, мысленно обращаясь к преступнику.

С правой стороны находилась дверь ведущая предположительно в комнату, кухню или возможно в подсобное помещение. Лаврентьев рукой надавил на дверь чуть сместившись в сторону. Снова глянул по сторонам. То, что он увидел, с улицы, в проеме входной двери не поддавалось никакому объяснению. Он рефлекторно сглотнул и на несколько секунд зажмурил глаза — но рукава медленно вращающейся спиралевидной галактики в развороченном входном проеме никуда не исчезли. Чернота глубокого космоса, звездные системы и галактика, все как в фильмах Дискавери.

«Ебический паралепидический...», — мысль внутри его сознания застряла, так и не дойдя до конечного финала этого выражения.

Он тут же подумал о галлюцинациях вызванных, возможно действием неизвестного вещества в виде газа и присутствующего в воздухе.

«Ведь гранатометчик этот, из патлатых пидаров, которые в Интернете всякое говно находят, а потом могут людей травить», — мелькнула злобная мысль.

Но сразу отгел это предположение – галлюцинации слишком какие-то странные... Что-то необходимо предпринять, чтобы побороть неожиданно возникший когнитивный диссонанс. Лаврентьев медленно выдохнул и дал себе установку не думать ни о чем необычном, воспринимать любые фантастические проявления, как реальные события, ничем не выделяющиеся из остальных, и двигаться к цели — найти проклятого «гранатометчика», а там будет видно. Только так, по его мнению, он сможет сохранить трезвый рассудок и выполнить свою миссию. Поэтому он осторожно толкнул дверь перед собой... И едва не выронил пистолет. Комната встретила его невероятным буйством невиданных растений. Огромные цветы, начиная от соцветий в виде перевернутых зонтиков до сложных замысловатых форм, переливались всеми цветами радуги. Музыкальные ноты прыгали по мятым облачкам выдавая расслабляющий бит. В воздухе порхали гигантские бабочки с завитыми усиками. А птицы и звери выглядели так, что его словарный запас тут же капитулировал, наглухо отказываясь выдать хоть какое-то описание. Неожиданно деревья с изумрудными кронами, переливаясь тысячами колокольчиков, разошлись в стороны и вышел розовый с поперечными зеленоватыми полосками тираннозавр. Он довольно ослабил пасть, обнажив ряды острых, как колья зубов. Полицейский готов был поклясться, что эта доисторическая животиная улыбалась. И как в доказательство его догадок, розовый тираннозавр ласково рыкнул на немецком языке.

— Guten Tag, p-p-p!

— Прошу прощения..., — пробормотал Лаврентьев, аккуратно закрывая дверь, — и вам доброго дня.

Он сел на корточки прислонившись спиной к стене и уставился на вращающуюся в дверном проеме галактику.

«Может гранатомётчик все-таки попал в меня? Я подох. И моя душа свободна, летит с голой жопой... Куда летит?», — подумал он.

За дверью раздался какой-то писк, треск деревьев и звук удаляющегося топота тираннозавра с ритмом похожим, словно гигант бежал в припрыжку.

«Резвится тваринка», — проскочила отрешенная мысль.

Он почему-то представил, как розовый тираннозавр в круглых очках колесах, носится среди фантастических растений с огромным сачком и ловит гигантских бабочек. Потом собирает их в большие банки и расставляет их на полки.

— Пальч, ты совсем ёбу дался? – спросил он сам себя вслух, — какой динозавр с сачком? Какие банки?

Из размышлений его вырвал веселый детский смех за дверью, рык динозавра и снова тяжелый топот. Потом сипящий звук, словно кто-то спустил воздух из воздушного шара. Он вскочил и открыл ее. Но за ней ничего не было. Бесконечная серая пустота и тишина.

Лаврентьев много повидал в жизни, но такое с ним в первый раз. Нет, он не растерялся, просто не знал, что со всем этим делать.

«Ладно хер с тобой», — подумал он, закрывая обратно дверь, - «посмотрим, что будет дальше».

Легонько похлопал по ней, как будто проверял ее надежность и осторожно двинулся дальше по коридору.

А коридор странным образом закручивался штопором. Лаврентьев это понял, когда оглянулся и увидел, что дверной проем лежит практически на боку.

«Кроличья нора...», — подумал он, вспоминая незабвенную Алису.

Он прошел еще немного и заглянул в небольшое помещение. Скорее всего когда-то это была ванная, подумал он, видя, как в небольшом пруду, окруженном благоухающими растениями, купались несколько обнаженных и неопишимо красивых девушек. На их телах поблескивали золотые украшения с драгоценными камнями. А капли воды переливались на великолепных стройных телах под лучами солнца, как тысячи крохотных брильянтов, создавая мерцающую ауру, отчего их притягательность в ореоле сияния была непреодолимой. Лаврентьев, уже давно будучи одиноким мужиком и напрочь лишенный женской ласки, замер разглядывая купальщиц во все глаза. Он сам того не замечая простонал, то ли от умиления, то ли от тоски, то ли от недостижимости в своей жизни хорошей плотской любви. Ведь, весь его секс, заключался в просмотре порнографического видео из Интернета и потом предсказуемое, но тоскливое самоудовлетворение своих физиологических желаний.

«Господи, милосердный, да что это за дом такой?», — вздохнул он про себя.

— У меня есть цель. Палыч, первым делом она, а девушки уже потом, — он одернул себя и вслух дал себе приказ, с трудом отрываясь от возбуждающих образов, — потом, потом, ты заглянешь сюда и будешь купаться с девчатами, как молодой дельфин, бить их по ягодцам мокрыми лапами и плавниками, подныривать, хватать за пятки...

Он повернулся на сто восемьдесят градусов и на цыпочках, чтобы не вспугнуть девушек, покинул их «ареал обитания».

И уткнулся в большое панорамное окно.

Окно коридора, как и любое нормальное окно дома, перед входом которого вращается спиралевидная галактика, выходило в черный космос, усеянный звездами. Легкие занавески парили в невесомости развиваясь от легкого космического ветра, который гуляет в пространстве бесконечной Вселенной. Ветер приносил частицы межзвездного газа, поэтому от окна вытянулось, с разноцветными переливами сияние, наподобие того, что наблюдают на полюсах нашей планеты. Перед окном пронеслись два фантастических истребителя. Один гнался за другим постреливая черточками красных лазеров.

«Да ничего особенно», — хмыкнул про себя Лаврентьев, — «просто пацаны стритрейсеры гоняют, в околоземном пространстве, правила ПДД нарушают... Сержанта Прокопенко на вас нет. Он вам быстро номера бы свинтил».

Он так же проводил невозмутимым взглядом огромный космический корабль, похожий на клин, который величаво прошел за окном. Мимо него проехал на маленьких колесах попискивающий на все лады робот похожий на разноцветное ведро. Строем прошли солдаты, одетые в белые блестящие латы и прижавшие к груди фантастические бластеры. Тут же его поставил к стенке патруль, который отрекомендовался как имперский. Они искали какого-то толи джема, толи джеда... Но, глянув на его удостоверение полицейского, отпустили посчитав, что он коп из захолустной, но дружественной звездной системы, которому нужна помощь коллег из метрополии. Лаврентьев спорить не стал, а с серьезным видом, выслушал от собратьев из имперской полиции снисходительные пожелания и напутствия. Поблагодарил за специальный жетон пропуск, за пистолет бластер, так, как его пистолет Лебедева показался им древним и бесполезным анахронизмом, потом приветливо махнув им рукой, двинулся дальше по коридору.

«Мент всегда выручит мента. Хоть имперский, хер знает из какой галактики, хоть из деревни Жопажелудевки. Твою дивизию... Вот расскажу ребятам из отдела... Зайду в дежурку и Коле Смайкину суну в морду жетон. Типа, ты теперь видишь с кем имеешь дело? С имперским копом из Корусанта», - весело подумал он.

По пути Лаврентьев куда только не попадал. В ледяные миры, где монстры кидались сосульками, а люди жили на вершинах гигантских сталагмитов. Путешествовал по кровавым болотам какого-то организма и там же, плавал на куске сухаря в дымящемся озере из соляной кислоты. И потом, как сёрфингист летел по слизкому туннелю на огромной скорлупке от фисташки и вылетел через... — он, этого не хотел, честно говоря, потом вспоминать. Играл в

шахматы с самим Люцифером, который проникся к неунывающему полицейскому и пообещал, что, когда он умрет возьмет его в чоповцем, сидеть на охране врат Преисподней. Работа не бей лежачего, начальство далеко и сама работенка не пыльная – пинками загонять грешников обратно в ад.

Сколько невероятных планет он прошел даже не сосчитать. Даже летал внутри мыльных пузырей среди облаков, посещая сказочные замки. Там же в одном из замков волшебница вылечила с помощью вонючей мази волдырь от ожога. Плутал во фракталах, стрелял в чудовищ и ядрено красных спрутов из бластера, там кстати и его потерял, когда одно из чудовищ выбило оружие из рук.

- Сука, кальмар сушеный! – выругался Лаврентьев, прыгая в фиолетовый кратер какого-то глаза.

А сколько разных котов он повидал – уму не постижимо. Коты в скафандрах, коты в пенсе и цилиндрах, коты «киберпанковцы», кошки гейши, коты бандиты, коты дома, коты на ватных облаках, коты вампиры, коты, коты, коты... Однажды он с котами, скакал на собаках союзниках, атакуя гигантский пылесос, прилетевший из разрыва Черной дыры. Они убили его, стреляя из ружей, где вместо путь использовались липкие комки шерсти. А потом, он с котами пил валерьяное вино у костра, орал, как безумный душераздирающие песни, подвывал с песелями союзниками и... переспал с красивой кошкой.

Наконец измотанный и уставший, Лаврентьев покинул коридор, выйдя в гостиную, вернее то, что было перед ним, должно было быть по замыслу архитекторов быть гостиной. А на самом деле перед ним раскинулось поле боя звероподобных с перекошенными мордами существ и прекрасноликих, человекоподобных с белыми выющимися волосами и с заостренными ушами. Он несколько секунд безучастно обозревал поле битвы пока один звероподобный не прыгнул к нему, размахивая черным, похожим на корягу топором. Лаврентьев выстрелил. Монстр, громко хрипя упал. Грохот выстрела произвел секундный эффект ступора. Битва на мгновение остановилась и все удивленно уставились на него. Потом один из прекраснолицых, а Лаврентьев, про себя назвал их трансвеститы таиландские, издал что-то наподобие боевого клича и радостно возвестил.

— Род человеческий пришел поддержать эльфов в битве с черными силами орков!

— Да всегда пожалуйста, — буркнул полицейский.

И тут орки, учуяв, кто несет им настоящую угрозу кинулись в его сторону. Лаврентьев быстро отстрелял обойму из четырнадцати патронов и понял, что после того, как он отстреляет запасную обойму, его мелко-мелко порубят черными коряжистыми топорами. Он не стал геройствовать и попятился назад, прячась за спины эльфов.

«Мне бы сейчас калаш с кучей рожков, я бы вам устроил перелом в битве, но увы парни — это не моя война», — подумал он, пробираясь к выходу.

Один из эльфов увидев его беспомощное положение бросил ему сверкающий меч и щит, украшенный витиеватой вязью узоров.

— Держи друг!

Лаврентьев взял их в руки.

— А ты не подскажешь, что мне, блять, с этим делать!?! — крикнул он в ответ доброму эльфу.

Но тот пал от злобной руки орка так и не ответив. Лаврентьев быстренько вспомнил, как в детстве сражался с дворовыми друзьями палками за гаражами, изображая из себя мушкетеров. Отбиваясь мечом, как дубиной продолжил отступать в поиске выхода. Вскоре меч в его неумелых руках сломался. Он швырнул обломок в голову очередного злобного орка и начал размахивать щитом, словно заправский шашлычник из придорожного кафе отгоняя орков подальше от себя.

«Дело дрянь», — заметил он про себя и снова достал пистолет снарядив последнюю обойму.

Но, к счастью, он оказался пред очередной дверью и не мешкая открыв ее юркнул в проем. Перевел дух.

«Млять... Представляю если я вот так заявлюсь в отделение. Со щитом в одной руке и пистолетом в другой. Морда красная, с одной стороны, волдырь. Ребята спросят, Палыч ты откуда такой красивый? А я, типа сражался на стороне эльфов против орков... и сразу в дурку уеду. И ведь, никто не поверит...».

Внезапно он произнес последние слова своего друга и горечь потери сразу захлестнула его душу.

Лаврентьев психологически уже готовый к любым чудесным событиям спокойно огляделся.

Его окружал довольно мрачный мир. Сине-черное небо с поволокой серых облаков и огромная желтая Луна, словно упала с небосвода, воткнувшись нижним краем в черный холм. На самом холме, стоял унылый, кособокий, деревянный дом с такими же кособокими флигелями и черными глазницами пустых окон. На одиноком скрипучем флюгере тихо дремали пару ворон. Одно из окон светилось желтоватым подрагивающим светом.

— Мда... Невесело тут у вас, одиноко, я бы сказал, — заметил Лаврентьев, — огоньку и музыки не хватает.

Вороны словно услышали его шепот. Они несколько раз громко каркнули и поднявшись, унесли в сторону Луны.

— Ну и понятых не будет...

Лаврентьев осторожно двинулся к дому предчувствуя что подозреваемый находится именно там. А местечко действительно представляло собой неприятное «локацию». Под ногами скрипели черные сухие ветви и листья, а в воздухе витал неприятный запах гнили и сырости. Он прошел несколько минут, прежде чем добрался до двери дома. Старая дверь слегка скрипнула и жалобно затрещала, когда он ее открыл.

— Кто здесь? – раздался усталый голос «гранатометчика».

В жёлтом полумраке комнаты за пустым столом сидел молодой человек. В руках он держал смартфон.

— Приветик, — нарочито нежно проворковал Лаврентьев, чувствуя, как в его душе закипает ярость.

— Кто вы? – спросил молодой человек.

— Твоя последняя мигрень! — злобно рубанул полицейский, — а ты, я так понял, тот самый Толик... Что устроил все это говно.

Молодой человек медленно встал из-за стола и попятился, но уперся спиной в стену.

— Вас никого нет на самом деле, — пролепетал он.

— Ни хера подобного, говнюк, я как раз всамделишний, а вот то, что у тебя здесь происходит, сдаётся мне тянет на статью 231 УК РФ. Я такой херни в жизни не видывал! Но тебя, гондона, я нашёл!

Молодой человек, промолчал, лишь поправил пальцем очки и присмотрелся к полицейскому.

— Где твоя жена и дети? Куда ты их дел?

— Их нет и никогда не было.

— Да ну! Все их видели даже твоя мать и сестра. А мы их слышали.

— Вы все видели лишь проекцию, иллюзию, созданную мной. Их никогда на самом деле не существовало. И ты то же иллюзия! Поэтому вы все их якобы видели. Вы мир моих проекций.

— Не гони сучонок..., — прошипел Лаврентьев, — ты пидар, моего друга положил. Он там мертвый лежит и это, сука, не проекция и не хуя не иллюзия.

Молодой человек вскинул руку со смартфоном и что-то начал быстро набирать. Лаврентьев каким-то шестым чувством почуял неладное. Он словно молния прыгнул к нему, чуть присел и резко выпрямив тело с одновременным поворотом туловища в сторону удара, выбросил руку к цели. Короткий, но сокрушительный удар в челюсть буквально подбросил молодого человека. Он рухнул без сознания на пол, смартфон отлетел к ногам полицейского.

— Вот тебе «проекция», удар снизу в ближнем бою. Как тебе такой апперкот, быстрый и настоящий?

Лаврентьев поднял смартфон на экране было запущено какое-то приложение и в поле ввода небольшой текст: Создай терминатора, который уничтожит человека, стоящего... Дальше текст обрывался. Полицейский нажал кнопку выключения и подождал пока смартфон полностью выключиться, потом сунул его в карман.

Внезапно все окружающее пространство дрогнуло, раздался шипящий звук словно сдувался шарик, и он оказался в обычной комнате, обычного дома. На полу без сознания лежал молодой человек, которого он прозвал про себя «гранатометчик». Диван, телек на стене, стол с компьютером. Лаврентьев посмотрел в окно комнаты. Никаких спиральных галактик, никаких космических кораблей, никаких голых нимф в пруду. Он выглянул в коридор. За развороченным входом обычная улица, где лежали погибшие полицейские и развороченные служебные машины.

— Ахуеть..., — он почесал затылок.

Со стороны входа послышались сирены. Лаврентьев подхватил «гранатометчика» и потащил к выходу. Там уже стояли полицейские машины из соседнего отдела, большой автофургон СОБРА из регионального управления.

«Область на ноги подняли. Все по серьезному», — подумал он, упираясь и волоча теперь уже по его мнению преступника.

У выхода чуть приостановился и набрав в легкие воздуха крикнул.

— Я майор Лаврентьев! Н-ский отдел полиции, номер 70/485. Со мной подозреваемый в преступлении, без сознания. Не стрелять! Еще раз повторяю не стрелять! Я сотрудник полиции!

Дальше уже обычная процедура в таких случаях: подтверждение, что его поняли и услышали, заход спецназа, передача подозреваемого. Тут же похлопывания по плечу от коллег – но все, как во сне. Уже сидя в машине, Лаврентьева до дома подвезли ребята из соседнего отдела, он вдруг ощутил, как дико устал.

«Еще бы, твою дивизию, пол Вселенной исходил, где только не был, чего только не видел», — вяло думал он, глядя ка за окном машины пролетают знакомые улицы города, — «и черт побери, сколько прошло времени? Мне кажется, я путешествовал по этому проклятому дому целую вечность... А оказывается всего-то пару часов».

Что-то в его жизни бесповоротно изменилось, причем навсегда, но размышлять над этим он не стал. Ноги, буквально, подкашивались от бессилия. Не раздеваясь, он рухнул в кровать даже не сняв обувь. Голова еще не долетела до подушки, а Лаврентьев уже провалился в небытие, как в таких случаях говорят, смертельного сна.

Он проснулся после того, как ему уже который час снился трезвонящий черный телефон из кабинета Сталина, а усатый вождь указывал ему курительной трубкой на аппарат. Лаврентьеву едва хватило, чтобы сил сесть на кровати и тряхнуть головой. Он усталился на свой смартфон, который не смолкая выдавал эту бесконечную трель вызова. Все тело ломало от боли и усталости, хотелось пнуть со всей силы сей предмет раздражения и повалиться снова на бок, чтобы закрыть глаза и не помнить ничего, что произошло: смерть друга, галлюцинации, безысходность существования, усталость, одиночество. Но он превозмог слабость и апатию.

— Слушаю.

— Добрый день Виктор Павлович.

— Вам того же.

— Виктор Павлович мы хотели бы с вами обсудить некоторые детали происшествия.

По тону было понятно на том конце «провода» человек облеченный властью и должно-стью.

— С «мы» я ничего не обсуждаю. Представьтесь, как полагается.

— Виктор Павлович, сейчас за вами придет машина и «мы», — собеседник сделал акцент на местоимении, — с вами познакомимся в Областном Управлении Внутренних Дел по Н-ской области, в кабинете полковника Свирского Андрея Евгеньевича.

Лаврентьев, ничего не ответив, провел по кнопке завершения вызова и снова откинулся на кровать.

«В залупу полез... Псы, просрали свой объект, весь мой отдел положили, друга моего... теперь мечутся», — подумал он, — «так, хорошо валяться надо умыться и привести себя в порядок. С этими чуваками надо быть начеку».

— Виктор Павлович, еще раз вспомните, может вы видели какие-то особые приборы, необычные девайсы у подозреваемого?

Спросил Лаврентьева мужичок в респектабельном черном костюме, с цепким, как лапы самки богомола, взглядом.

— Нет, — покачал головой Лаврентьев, — ничего я не видел.

— Понимаете..., — мужичок решил поднажать, — если вы что-то утаили, то это может стоить вам не только карьеры и что еще хуже служебное расследование и вполне возможно суд и... Сами знаете, что будет дальше. Вы офицер, не один десяток лет в органах. Не мне вас просвещать.

«Чо-о-о-о?», — протянул про себя Лаврентьев, — «напугал ежа голой жопой!».

— Еще раз, повторяю, если до вас не доходит. Я ничего не видел и ничего не находил. Я зашел в дом и воспользовавшись неразберихой после того, как погиб почти весь мой отдел, обезвредил преступника, сдал на руки ребятам из области. Все! Если у вас нет больше вопросов? Я пошел.

— Пальч, ты не лезь в бутылку, — заметил начальник областного управления, в чьем кабинете они уже который час вели беседу, — это дело на федеральном контроле. Товарищи из Москвы приехали. Прибор, который они ищут имеет государственное значение. Окажись он не в тех руках, натворит бед таких, что не разгребешь.

«Придурки», — позлорадствовал про себя Лаврентьев, — «как вы с самого начала допустили, что он попал в руки идиота?».

— Мне больше не чем порадовать товарищей из Москвы, кроме того, что я уже сказал.

Лаврентьев встал и вышел из кабинета, не обращая на гневное пыхтение и окрики начальника областного управления. Ему вообще стало плевать на все, после того что он пережил и видел. После того, как погибли его друзья от рук сумасшедшего патлатого «программиста».

— Идите вы все на хуй, — сказал он, захлопывая за собой дверь кабинета высокого начальства, понимая, что все что ему осталось, это написать рапорт.

После мозгокрутной беседы с фээсбэшниками и начальством Лаврентьев отправился к своему «крестному», так он про себя называл паренька, которого пару лет назад принял у банкомата, где тот бомбанул аппарат с помощью поддельной банковской карты. Пацану светил срок по малолетке, но Лаврентьев по-отечески пожалел парнишку и замял дело, дав тому еще один шанс жить честно. Помог ему получить хорошую работу в местной IT компании, при-

сматривал за ним, контролировал учебу даровитого мальчишки в школе. Тем более он был его тезкой, мать работала санитаркой в больнице – в общем прикипел душой и сердцем.

— Привет, крестный.

Лаврентьев, не ожидая приглашения скинул обувь и прошел сразу в комнату юноши.

— Мать, на работе?

— Да дядя Витя. Вы чего так неожиданно?

— Дело к тебе есть, племянничек очень серьезное.

Лаврентьев достал из карман смартфон, изъятый в доме «гранатометчика».

— Посмотри. Это по твоей части. На нем пароль стоит и вообще, глянь... Дай свою экспертную оценку.

Через полчаса юноша скинул пароль со смартфона и несколько минут поюзав сказал.

— Дядь Вить, ничего необычного, кроме того, что он принадлежал рукастому програмеру. Ну, здесь куча прог, нужных кодеру и куча всяких фич для отбаживания кода... Похоже, он пилил на аутсорсе на серьезную галеру...

— Ты по-русски говорить умеешь. Я не совсем динозавр, но вот эту вашу цифровую феню не всегда понимаю.

Парнишка довольно ухмыльнулся.

— Дядь Вить, для тебя здесь нет ничего интересного. Фото нет, смс переписка пустая, контакты пустые, дикпикси он никому не посылал. Какая-то выжженная пустыня, — ответил он, протягивая ему обратно смартфон, — кроме одного необычного приложения.

— Какого?

— «Проекция», но это скорее всего российский аналог нейросети GPTchata похожий на то, что делает OpenAI. Только более продвинутый и очень необычный, ядерный, как бомба... Ты, наверное, не знаешь, что такое GPTchat?

— Знаю. Чат-бот с искусственным интеллектом, разработанный американской компанией OpenAI и способный генерировать в диалоговом режиме контекст разного направления тексты, изображения, код по словесному описанию. Очень занимательная штука.

— Да ты дядь Вить войтивайти! – засмеялся мальчишка.

— Чего? Давай подерзи еще мне, — усмехнулся Лаврентьев, убирая смартфон в карман.

— Если ты оставишь его, я могу более подробно прочекаать этот кирпич. Очень интересная прога «Проекция». Я еще не видел таких сорцов. Это, даже, скорее всего, новый язык программирования... Уровень Бога.

— Не могу, племянник, — сказал, вставая Лаврентьев и направляясь к двери, — и забудь, что ты его вообще видел. Если болтнешь кому-то, то поверь, у меня будут не просто неприятности.

Паренек развел руками.

— На счет этого не беспокойся.

Лаврентьев знал, что «крестный» был надежным малым и если пообещал, то свое слово сдержит чего бы это ему не стоило.

На выходе он задержался.

— Иди сюда крестник.

Когда юноша подошел, полицейский протянул ему небольшой, серебристого цвета, прямоугольник с надписями на непонятном языке.

— Это тебе подарок на память.

— Что это за визитка, — паренек удивленно покрутил прямоугольник.

— Знакомые менты из Корусанта дали, может тебе пригодится, когда потеряешь меня, — ответил Лаврентьев и вышел.

Дома он достал их холодильника хрустящую пластиковую коробку с остатками салата, купленного в кулинарии, которую он называл ресторан «Изжога холостяка», сел за стол и достал смартфон. Действительно раздел «Контакты» пустой, также как и остальные «Галерея», «Видео» и прочие.

«А вот и наша вишенка на троте», — Лаврентьев нашел значок программы «Проекция».

Запустил. Вроде бы ничего необычного, так себе, похож на типовой мессенджер. Если не считать, фон, который подрагивал и переливался, как портал в бесконечность. Лаврентьев хоть и был человеком далеким от IT сферы, но полным нубом не являлся. Пользовался компьютером, Ватсапом, пару раз от тоски забредал в Тиндер, срался с Твиттере и ВК, иногда играл в компьютерные игры, игнорил Одноклассники, как старперский оплот, называл Телеграмм телегой – в принципе, неплохо разбирался современном социально-цифровом комьюнити. После запуска приложения он прошел процедуру верификации, ответил на целую сотню вопросов, даже по просьбе программы пришлось приложить смартфон к голове на целый час. Конечно выглядело совсем по-идиотски, но легкое покалывание и головокружение говорило, что идет какой-то скрытый процесс. Наконец после всех манипуляций появился интерфейс и приветствие.

«Виктор, добро пожаловать в мир нейросети «Проекция».

Внизу, где и полагается, в текстовом поле интуитивная надпись «Создайте свою Проекцию». Лаврентьев ненадолго задумался чего бы он хотел. Окинул взглядом свое одинокое жилище.

— Была не была, — подбодрил он себя, усмехаясь — с чего-то же надо начинать новую жизнь, выдеру-ка я у себя одно ребро.

Он написал:

«Женщину, то есть жену. Симпатичная блондинка с карими глазами. Не надо красивую, просто симпатичная. Добрая. Фигуристая, с хорошей грудью и попой. Она любит меня, заботливая. Хорошо готовит. С юмором».

Немного подумал и добавил:

«Хорошо относится к котам».

Провел по кнопке «Создать Проекцию». Сверху в меню появилась надпись

«Подождите»

И начал крутится кружочек. Потом появился вопрос:

«Сколько предварительных образов создать для выбора – 1;2;3;4».

«Мне хватит и одного», — подумал Лаврентьев, тыкая в соответствующую цифру.

Кружочек еще какое-то время вращался и потом появилось сгенерированное изображение – милотидная женщина с волосами светлой соломы. Карие глаза, как и хотел Лаврентьев, а озорная улыбка и характерный прищур глаз свидетельствовали о наличие остроумия. Формы тела тоже соответствовали запросу. Он несколько секунд полюбовался на изображение и ткнул кнопку «Согласен». Опять появился вращающийся кружочек и надпись.

«Проекция работает. Это займет некоторое время».

Прошло полчаса, потом еще час. Ничего не изменилось. Лаврентьев встал из-за стола, с хрустом закрыл коробку с так и не доеденным салатом.

— Наебалово какое-то, — пробурчал он, — ты придурок Палыч.

Но тут же застыл. Он отчетливо услышал, как поворачивался ключ в замочной скважине.

«Что за...», — подумал он.

Но не успел до конца закончить свой вопрос, как открылась дверь и вошла она — «женщина из смартфона» — из его рук выпал коробка с салатом.

— Привет, дорогой, — она словно вспорхнула над полом комнаты, подбежала к нему и поцеловала в щеку, — скучал?

— Мда-а-а, — протянул Лаврентьев, ощущая на щеке тепло от настоящего поцелуя и настоящий аромат духов.

— Ты, все себя салатиками из «Изжоги холостяка» травил, пока меня не было. Ну ничего сейчас я тебе устрою... Здоро-о-оровые почки, здоро-о-о-вые нервы, — весело пропела она и засмеялась, — ладно не парься, будет нормальная еда, котлеты, картошка, огурчики... Мыть руки, — приказала она, и грустно добавила, — поешь, потом съездим к Сережиной семье, ты у них еще не был, после его гибели.

Видя, что он стоит, не шелохнувшись обняла его и нежно погладив по щеке сказала.

— Ты чего остолбенел. У нас с тобой впереди еще столько интересного, — она улыбнулась, — я люблю тебя, мой Жорж Мегрэ, а остальное не важно.

Лаврентьев молча попятился к двери ванной. Он пару минут сидел на краю ванны обдумывая произошедшее. Вышло, что все правильно. То, что произошло с ним в доме «гранатометчика» все правда – он не сошел с ума и это не галлюцинации. Лаврентьев закрыл кран и вышел. В квартире произошли изменения, стало теплее, светлее, уютнее.

«Нет,», — подумал про себя Лаврентьев, — «так было всегда, уже много лет, просто я где-то отсутствовал все это время».

Жена сидела за накрытым столом, а на диване свернувшись калачиком спал кот.

Отсутствие притяжения.

Две раскованные и весьма соблазнительные цыпочки резвились со мной в морской воде, я, отдавшись процессу, наслаждался самым приятным обществом, которое оказалось, по счастливой случайности, доступно мне. Теплая вода, нежные прикосновения, страстные похотливые взгляды с поволокой унесли меня на вершину блаженства. Я вытянул ноги и лег на спину. Поверхность воды слегка колебалась, покачивая меня словно древесный лист, упавший на воду. Медленно, очень медленно, я раскинул руки и закрыл глаза. Девушки тут же прижались ко мне обнаженными телами и поочередно поцеловали меня в губы. Их ласковые руки скользили по моему телу, не забывая останавливаться в самых приятных для прикосновения местах. Ох..., мои сладкие сучки... Они испытывали меня и дразнили — задерживались там, на несколько секунд, вызывая у меня волну наслаждения и предательски скользили дальше. Господи милосердный, помилуй, как же хорошо...

Где-то в глубине своего сознания, сквозь пелену насланную лукавым Морфеем, я понимал, что это всего лишь проклятый сон, а на самом деле, прекрасных голых девиц, рядом нет. Я, одиноко лежу своей постели после изнурительной, долбаной смены на предприятии и отсыпаюсь в единственный выходной день. И этот редкий эротический сон, все что у меня есть вообще из любви. Впрочем...

— Паааап...

Мой котенок, я люблю ее больше всего на свете. Прости дочь, дай мне выспаться, то есть досмотреть сон. Да, у твоего старика бывают такие позорные сны. Совсем не часто, поверь. Конечно же ты о них не знаешь и мне стыдно самому, но природа берет свое. После того, как мы с тобой остались одни, у меня из женщин есть только те, что приходят во сне и не одна из них не может тебе заменить мать, а мне жену. Но пусть они приходят, потому что иначе я просто сойду с ума.

— Паааап! Что происходит?!

А вот это уже серьезно. Голос дочери приобрел озабоченную тональность. Но вполне возможно, таким образом она пытается привлечь к себе внимание. Любит вредина, разбудить меня пораньше, чтобы испытать не мне свою очередную стряпню. Подгоревшую яичницу с соевой колбасой, очень масляные оладьи, засохший до каменного состояния сыр, или кашу, в которую добавила слишком много воды. Прости дочка, подожди еще немного...

Но вдруг девушки исчезли.

Ну вот на хрена? На хрена так делать?

— Паааап! Пааап! Помоги! Паааааа!

Я резко открыл глаза — это уже искренний крик страха. Дочка! Что происходит? Перед моим лицом был потолок. Внезапно он резко ушел вверх, и я рухнул с высоты двух с половиной метров на кровать. Вокруг раздался невообразимый грохот. С улицы донесся шум падающего железа, битого стекла и непрерывный вой, целого хора автомобильных сигнализаций.

«Ебанный насос! Что происходит?!», — пронеслась в голове мысль смахивая за собой остатки сна.

— Мона!

Я вскочил и путаясь в одеяле рванул из комнаты на помощь дочери. Но тут же кубарем полетел, споткнувшись о небольшой комод, по пути собрал еще несколько вещей, хаотично разбросанных по комнате. Еще толком не сфокусировав взгляд, матерясь и на ходу протирая глаза вылетел из своей спальни в коридор. Постоянно спотыкаясь и падая, влетел, с разбитыми локтями и коленками, на кухню. Мона сидела на полу испуганная, в слезах. Я схватил ее и обняв, прижал к себе.

— Все, все котенок. Я здесь. Я с тобой.

Она вцепилась в меня мёртвой хваткой. Я наконец-то огляделся. На кухне царил полный беспорядок. Все разбросано, часть посуды побита, сок из стакана разлит, еда на полу.

— Котенок, что произошло?

За стенами нашего дома слышались крики людей, лай собак, вой сирен, какой-то грохот, похожий на взрыв, там, где-то на окраине нашего поселка.

— Что, черт побери происходит?

Мона пару раз всхлипнула.

— Пап... Я делала оладьи, как вдруг все медленно начало подниматься в верх... Я тоже стала подниматься в верх. Тебя рядом нет. Я звала тебя, звала тебя... А потом все резко упало. Я тоже упала прямо с самой высоты потолка...

— Да, да мой котенок. Я знаю. Я тоже упал. Все закончилось. Поверь мне. Все закончилось.

Я окончательно проснулся, но от этого, в голове, ни одной здоровой мысли не прибавилось. Что происходит? С чем может быть это связано? Ясно только одно – какая-то невероятная сила подняла все в верх. И она же резко все скинула назад, вниз. Я стал лихорадочно соображать, искать хоть какое-то объяснение – все тщетно.

— Вот что котенок. Давай все быстро уберем и поедем с тобой в магазин. Заедем в твою любимую бургерную чего-нибудь пожую. Идет? Твой любимый бургер с двойным сыром, картошка фри и большая чашка сырного соуса. Идет?

Я не знал, что делать и это была единственная моя реакция на произошедшее — нужно во что бы то ни стало успокоить дочь.

— Хорошо пап, — прошептала Мона, но меня не отпустила, — что это было пап?

— Не знаю, — честно признался я, — только поверь мне, что все закончилось. Все закончилось... Я с тобой.

Мы занялись уборкой. Мона не отходила от меня ни на шаг. Молча и сосредоточено помогала мне, но держалась от меня на дистанции вытянутой руки.

— Ну вот вроде бы порядок, — я оглядел место происшествия, — котенок, я пойду оденусь и можно двигать.

— Я не останусь одна, — твердо заявила Мона.

По ее решительному взгляду и сжатым кулакам я понял, спорить бесполезно. Можно, конечно, надавить или пуститься в длительные переговоры. Но взглянув в глаза своей дочери у меня защемило сердце; она очень сильно напугана.

— Сделаем так, — я поднял палец в верх и заговорщицки подмигнул, — идем.

В чулане мы вытащили из коробки мое старое туристическое снаряжение и из общей кучи я вытащил тонкий, но весьма прочный нейлоновый трос.

— Ты не поверишь красотка. Однажды я на нем провисел целых пять минут над пропастью. Внизу бурлящая река, ветер, а ему хоть бы что, только скрипит – можно корабельный якорь вешать, танкер удержит.

Я быстро связал на концах узлы и повесил два завинчивающихся карабина. Потом облегченные страховочные пояса. Выглядело конечно же по-дурацки, но в результате мы с дочкой имели прочную связь в виде туристического троса. Она просияла.

— Я всегда знаю, что ты из любой ситуации найдешь выход. Я тебя так люблю пап.

Она в свою очередь вытянула из старого хлама свой шлем для скейтборда и наколенники с налокотниками.

— Когда-то ты их наотрез отказалась носить.

— Настоящие твердые райдеры не носят одежду для малышни.

— Но я прекрасно помню твои разбитые колени и ободранные ладони.

— Это не помешало мне стать чемпионкой нашего парка.

Парировала она, застегивая розовый шлем, на котором красовалась картинка – разломаченная кошка с дико вытаращенными глазами делал умопомрачительный флип[1].

Перед тем как, нам «связанным одной цепью», разойтись по своим комнатам, она прижалась ко мне и чмокнула в локоть.

Так что любовь в моей жизни все же есть.

Пока я переодевался, взял со стола смартфон и пролистал новостные каналы. По всему миру были отмечены точки, где пропала гравитация Земли. Толковых объяснений нет. Паника. Уже тысячи жертв по всему миру.

— Ни хрена себе! – я присвистнул и убрал смартфон.

На улице полная неразбериха и беспорядок, собственно, как и во всем мире. Хаотично разбросанные машины, словно с ними поиграли гигантские дети, перегораживали дорогу, поэтому чтобы проехать по ней необходимо обладать некоторыми навыками лыжника слаломиста. Я все же выгнал машину из гаража и предварительно, на всякий случай забросив в машину рюкзак с туристическим снаряжением – даже не представляю, что нас ждет впереди. Сосед, бывший военный офицер в отставке, которого мы из-за его имени и отчества звали Буденым, помахал мне рукой из-за забора.

— Гера, как думаешь, что за внешатка?

— Не знаю Семен Семенович.

— Может это на вашем предприятии чего случилось? Вы же там какую-то черную дыру создаёте, а народ-то у нас раздолбайный, халатный. Там не довинтили, там не до крутили. Вот и бахнула.

— Нет, Семен Семеныч, у нас все очень строго. Не должно.

Но сосед не унимался.

— Может и не должно. Но, блять..., — но заметив стоящую рядом Мону сконфуженно поперхнулся и продолжил, — гм, я имел ввиду, может ученый какой, яйцеголовый сумасшедший учудил, не туда атомы, протоны разогнал.

Вот же достал командарм первой конной.

— Семен Семеныч, я не в курсе моя задача только монтаж коммуникационных сетей. Я всего лишь инженер, но работаю там почти, как простой монтажник электрик. Яйцеголовых вижу очень редко. Мы с Моной в магаз... Вам что-нибудь нужно?

Он отрицательно покачал головой и посмотрев на нашу связку и одобрительно хмыкнул.

— Не плохая идея. Надо будет тоже на всякий случай привязать свою бабку. Потому что, если на вашем проклятом коллайдере снова произойдет внештатка, то я без нее хоть не упорхну, как Гагарин в открытом космосе... Да и каска где-то валяется.

— Пап, почему он говорил, что может упорхнуть, как Гагарин в открытый космос? – спросила Мона, когда мы наконец-то сели в машину и стали осторожно продвигаться по улице лавируя среди машин.

— Ну во-первых, он просто пошутил, а во-вторых, Гагарин в открытый космос никогда не улетал.

Мы выехали на шоссе и направились в сторону супермаркета. Здесь похоже уже разобрались с беспорядком и машины ехали, как обычно в два ряда с каждой стороны, но какая-то нервозность витала в атмосфере. Все бы ничего, но временами я замечал, как наша старая машина словно летела над асфальтом и встречные порывы ветра от, странно вилявших, автомобильных фур немного сносили нас в сторону. Хотя, возможно, это проблема порядком изношенных покрышек.

В самом супермаркете еще наблюдались следы разрушений, нанесенных происшествием, но по большей части персонал уже разобрал навалы из товаров и навел порядок в секциях. Некоторые стеллажи имели крепление в полу или с помощью анкеров прикручивались к стене это не позволило части товаров упасть на пол. Некоторые отделы, которые особенно сильно подверглись воздействию, как говорил Семен Семеныч «внештатки», перегородили ящиками и стульями. Но в целом супермаркет работал. Пока бургерная еще была закрыта мы с Моной взяли тележку и пошли в торговый зал. Покупателей немного, по-видимому, все занялись наведением порядка дома или осторожничали, боясь покидать дома. Те же, кто все-таки отважился, задумчиво поглядывали на связанных с помощью туристического снаряжения отца и дочь. У меня в душе мерцало некое предчувствие, что все еще не закончилось, но я конечно не озвучивал свои опасения. Чтобы не напугать ребенка. Мы быстро накидали в тележку любимые вкусняшки Моны и я, проверив баланс на карте решил закупиться продуктами первой необходимости при чрезвычайных ситуациях. Получилась полностью затаренная, с верхом большая тележка и еще большой пакет в руках. Мы проследовали на кассу и как раз вовремя, потому что народ похоже смекнул, что вокруг твориться что-то необъяснимое пугающее и надо запастись. Сквозь панорамные окна просматривалась стоянка перед супермаркетом, которую, почти полностью заставили машины и в торговом зале значительно прибавилось людей. Я отметил про себя что мое решение поставить машину с краю на площадке более верное чем, поставить ее ближе ко входу в магазин.

— Котенок, нужно валить отсюда по быстрее пока мы еще можем выбраться. Думаю, скоро здесь начнется столпотворение.

Не мешкая мы отправились к кассе.

— Привет мушка на ниточке, — сказала кассирша, и помахала рукой Моне, — Гера, вы после магазина сразу домой?

— Домой, домой Дина. Ты же видишь, что вокруг творится.

— Вижу... Завези моим по пути продукты и воду. Нас в строгом порядке, под угрозой увольнения, домой не отпускают.

— Без проблем, заеду.

— А почему вы назвали меня мушка на ниточке? – спросила Мона.

Кассирша рассмеялась и перегнувшись через лоток кассы потрепала ее за косичку, торчащую из-под шлема.

— Потому, что когда мы с твоим папой были вот такими как ты, то привязывали мух к ниткам и они летали вокруг нас на привязи. Весело было, — она многозначительно посмотрела на нашу обвязку и со вздохом, дрогнувшим голосом, сказала, — а теперь вот и мы на ниточках, что совсем не весело...

Не успела он договорить как мы заметили, что продукты в нашей тележки начали, словно по команде, медленно подниматься вверх.

— Пааап..., — пропищала Мона и вцепилась в мою руку.

Я ощутил, как мои ноги оторвались от бетонного пола магазина и быстро намотал нейлоновый на руку притянув к себе дочь.

— Не бойся котенок. Я рядом. Сейчас все закончится.

С другой стороны, в мою руку вцепилась кассирша. По всему залу раздались испуганные крики людей, они барахтались в воздухе, среди пакетов и упаковок, пытаюсь найти точку опоры. Через несколько секунд все прекратилось, товары рухнули на пол и обратно в тележки покупателей. С воплями попадали и посетители. Я понял через пару минут начнется паника.

— Ну все надо быстрее валить!

Я побросал товары обратно в тележку, схватив Мону, посадил сверху и толкнул перед собой.

— Дина, — крикнул я кассирше, — бросай на хер эту кассу, давай с нами!

На стоянке творилась настоящая вакханалия апокалипсиса, которую обычно показывают в фильмах катастрофах. Большая часть людей беспорядочно носились по асфальтированной площадке бессмысленно толкаясь. Те, у кого хватило выдержки и силы духа сосредоточено расталкивали остальных и целенаправленно шли к своим машинам. Некоторые мужчины не церемонясь били кулаками тех, кто стоял на пути, чтобы беспрепятственно пройти самим или провести свое семейство к машинам. Несколько автомобилей сорвавшись с места уткнулись в другие. Одна женщина не справилась с управлением и сбила двух молодых людей.

— Держитесь рядом. Мы сейчас по периметру выйдем, как раз к машине.

Мы были практически уже у цели, но неожиданно — снова началось. Люди машины покупки в очередной раз начали подниматься в верх.

«Да твою мать! Неужели это все не ночной кошмар и происходит все на самом деле?!», — я всем своим видом пытался показать своим спутницам, что контролирую ситуацию.

Надо что-то делать если нас поднимет нас слишком высоко, то при падении мы просто разобьемся, а если очередная волна не прекратится, то улетим от поверхности Земли. Мы уже болтали ногами примерно в метре от земли. Девчонки вцепились в меня, как две испуганные кошки.

— Вот что котенок, — я повернулся к Моне, — я тебя сейчас толкну к дереву их корни очень глубоко уходят в землю, и они дольше всего продержатся не поднимаясь вверх. Постарайся зацепиться за вон ту толстую ветку и намотай трос, а подтяну себя и Дину.

— Я боюсь пап, — прошептала Мона в ответ.

— Не бойся. Мы поднялись уже достаточно высоко. Вся надежда на тебя. Помнишь мы с тобой смотрели фильм про Человека-паука? Ты будешь как человек-паук, только очень маленький и я тебе помогу. И ты одна из нас в клевой защите. Давай, котенок-паучок... Раз, два, три!

Я толкнул Мону она, пролетев около четырех метров зацепилась за толстую ветку и как договаривались обмотала трос за нее.

— Дина держись крепче.

Но трос отчаянно закрипел, ветка изогнулась готовая вот-вот треснуть.

— Гера помоги!

Я обернулся. Дина держалась за меня, а за ее ноги держался какой-то мужчина весом не мене ста килограмм. Бедная девушка держалась из последних сил.

— Отпусти ее чувак. Прошу отпусти ее иначе мы погибнем.

— Нет, — дрожащим голосом ответил он.

— Отпусти тварь, — прошипел я, — ты нас погубишь, ты погубишь мою дочь.

Мужик подтянулся и обхватив Дину за талию.

— Мы лучше ее сбросим, — сказал он, — не бросайте меня... у меня тоже есть дети, у меня тоже есть дочь. Я могу вам помочь...

— Пап, пап! – закричала Мона, — веточка трещит!

— Дина держи меня крепче, — сказал я девушке, которая от страха потеряла дар речи. За спиной послышался легкий треск, ветка не выдерживала.

— Мы скинем бабу!

Мужик, крепко держа одной рукой Дину, снова резко подтянулся и схватил меня за лодыжку.

— Отпусти нас ублюдок! Или я тебя убью! – злобно проговорил я.

— Нет, нет мы скинем эту тупую бабу, — его безумный взгляд не предвещал ничего хорошего.

Держась за меня одной рукой, он вытащил из кармана небольшой электрошокер и с треском ткнул в грудь Дины. Девушка билась в конвульсиях, а он вжимал и вжимал в нее проклятую электрическую машинку. Наконец треск прекратился и Дина, закрыв глаза отпустила меня и стала медленно подниматься в верх.

— Нет, нет! Дина! – у меня перехватило дыхание.

Я размахнулся ногой и ударил мужика в лицо, раздался хруст и вопль боли, он рефлексивно схватился обеими руками за лицо. Кровь хлынула из разбитого носа большими каплями, которые тут же начали подниматься вверх. Он понял, что больше не держится за меня. Отчаянно работая руками и ногами, сделал бесплодную попытку дотянуться до меня. Но тщетно. Мона визжала от страха обхватив спасительную ветку. Дочь! Я быстро выбрал на себя трос и подтянулся к ней.

— Все, все котенок. Все закончилось.

Я обхватил ее, прижимая к дереву. Мона плакала, зарывшись в куртку у меня на груди.

— Я мушка на ниточке, я мушка на ниточке, я мушка на ниточке, — причитала она.

— Да котенок, ты мушка на ниточке.

Я обернулся и увидел, как несчастная Дина без сознания медленно поднималась с остальными. Зрелище было поистине пугающим. Десятки машин в паре десятков метров над землей. Во многих из них истошно кричащие люди. Вещи, товары из магазина, камни, мусорные баки, чья-то потерявшаяся собака, пыль, комья земли, птицы, вода из небольшого фонтана, парочка ларьков с шаурмой, которые почему-то сразу запылали – все в жуткой мешанине и сопровождении отчаянных воплей, медленно плыли вверх. И сколько хватало взора это происходило достаточно далеко, на несколько километров вокруг.

Если гравитационный коллапс продолжится, то неизбежно начнет разрушаться почва и тогда дерево нас уже не спасет. Остаётся надеется только на чудо. Но это чудо для нас с Моной, а для многих остальных гибель. В очередной раз все обрушилось с высоты тридцати или пятидесяти метров на землю. Тех, кто еще мог выжить при падении получив тяжелые ранения раздавили падающие машины и другие тяжелые предметы в изобилии, поднятые в воздух. Я, закрыв Мону с ужасом смотрел на кошмарное месиво из тел и предметов. Те, кто остался в живых в магазине не смели выйти на стоянку опасаясь повторных событий, связанных с гравитацией.

— Мона, котенок, я тебя спущу вниз и потом спущусь сам. Только прошу тебя не смотри по сторонам. Хорошо?

— Хорошо пап, — она послушно закрыла глаза.

Когда мы оказались на земле. Я взял ее на руки и развернул так чтобы она ничего не видела и не слышала стонов умирающих людей. Честно говоря, было уже бессмысленно пытаться уехать со стоянки на машине, превратившейся в бесполезный хлам. Так же было бесполезно искать среди мертвых тел и мусора пригодные продукты. Все что удалось найти по пути это пару целых бутылок воды, несколько пачек печенья и консерв. Я отыскал останки

нашей машины, еще раз поблагодарив свое благоразумие, что поставил машину с краю, вытащил рюкзак со снаряжением и загрузил в него найденные продукты.

— Что мы будем делать? – спросила Мона, когда мы выбрались со стоянки.

Хорошенький вопрос дочка. До дома нам вряд ли добраться если повторится очередной гравитационный коллапс, то мы погибнем так же, как погибли люди у супермаркета. Находится в лесу, вечно у цепляясь за деревья, тоже невозможно. Я посмотрел на горизонт. Там раскинулись белые корпуса предприятия, на котором я работал. Его построили, чтобы создавать альтернативные системы транспорта будущего. Какие именно, я не вникал, но слышал, что совершенно фантастические, которые перевернут все представления о передвижении на Земле. Так что мнение людей, о виновности загадочной компании, где я монтирую системы коммуникации, не так уж лишено основания — есть кому задать вопросы. А я был очень зол: погибла моя подруга детства Дина, много людей и главное чуть не погибла моя дочь. Кроме этого, там намного безопаснее. Есть производственная столовая, и значит склад с продуктами, некоторые помещения глубоко под землей и прочая привлекательная для выживания в апокалипсис инфраструктура. А в наступившем апокалипсисе я уже не сомневался.

— Вот что котенок, — сказал я после всех размышлений, — до предприятия, на котором я работаю пару километров, до дома двадцать. Потому, думаю, ответ очевиден. Мы доберемся с тобой до моей работы и там уже разберемся что происходит. Идет?

Мона молча кивнула.

Пару километров небольшое расстояние, но в нынешней ситуации даже такой пустяковый отрезок пути настоящее испытание, требующее осмотрительности и планирования. Основная часть шла лесополосой, небольшими рощицами и перелесками, а вот последние метров триста голый пустырь. Он предстал перед нами, прямолинейной беспощадностью, когда мы благополучно миновали большую часть пути. Нам лишь однажды пришлось отсидеться, пережидая гравитационный коллапс, обмотав туристический трос за массивную и крепкую березку. Все за что можно было уцепиться на открытом пространстве это если глубоко воткнуть в землю складной ледоруб из моего снаряжения. Он не тянул на большой профессиональный ледоруб для альпинистов, но больше ничего из того, что было в нашем распоряжении. И еще примерно метров двадцать нейлоновой бечевки. Мона вопросительно уставилась на меня, и я понимал, что, если сейчас не смогу найти решения, для нее это будет удар по ее уверенности во мне. И она, успокоившись в последние несколько минут, снова начнет нервничать.

— Смотри котенок, — я поднял ледоруб над собой, — это настоящий якорь. Корабли, приходя в порт бросают его и он удерживает их даже в самый сильный шторм. Если нас опять потянет в небо я со всей силы воткну его в землю, и он намертво будет держать нас.

Но моего ребенка сложно надуть, она уловила в моей бодрой речи скрытые нотки сомнения и обратила внимание, как растеряно «бегают мои глаза».

— Ты уверен?

— На все сто пудов!

— А с другой стороны, — рассудительно заметила Мона, — у нас нет другого выхода.

— Давай составим план действий. Мы бежим. И бежим очень быстро. Как только почувствуешь, что ноги начинают буксовать в воздухе останавливаемся. Я вбиваю в землю ледоруб по самую верхушку и пережидаем. Потом еще бросок и мы у цели. Ясно? Тогда отбей пятюню!

Мона поджала губы и закатила глаза, что обозначало – ох, эти твои олдскульные штучки.

— Пап, давай просто побежали, — заметила она.

Мы рванули. Мона бежала изо всех сил я за ней, на расстоянии чтобы она слышала мое дыхание. Через метров двести мы снизили темп и скорость. Давала знать о себе предательская усталость. И тут произошло то, о чем мы с ней конечно же не хотели даже думать. Я почувствовал некую легкость и понял, надо как можно быстрее готовится к гравитационному провалу.

— Мона стой! Держись за меня!

Я быстро вбил ногой ледоруб в землю насколько хватило рукоятки. А это, как оказалось, совсем не просто. Плотный комковатый грунт, и отсутствие гравитации ослабили удары. Я для верности уцепился за траву.

— Держись дочка.

Волна «гравитационного провала» накатила сильнее обычного, и я вдруг понял, что ситуация выходит из-под моего контроля. Я, лежа на земле увидел, что почва становится рыхлой и маленькие комочки потеряв в своей структуре притяжение молекул начинают разрушаться и очень медленно подниматься вверх, образуя рыхлый ненадежный слой. Через минуту ледоруб предательски подался в верх, и начал свое скольжение из почвы. Я молил только об одном – чтобы нам хватило продержаться какое-то время. Но через пару минут мы уже находились в воздухе в состоянии свободного парения.

— Пап, — тихо прошептала Мона.

— Я сейчас что-нибудь придумаю, — сказал я ей.

Я быстро привязал бечевку к ледорубу.

— Котенок, его можно использовать не только как якорь, а еще как якорь кошку. Знаешь, что это такое?

— Нет, — прошептала дочь с закрытыми глазами.

Пока мы еще не поднялись слишком высоко, я размахнулся и швырнул ледоруб в сторону сетчатого ограждения, которое шло по периметру отделяя компанию от всего остального мира. Но ледоруб хоть и доставал до стальной сетки, все равно ушел в верх. Мы с дочкой барахтаясь в воздухе медленно поднимались в верх.

— Мона, посмотри на меня.

Она помотала головой и продолжала держать глаза закрытыми.

— Мона, прошу тебя послушай меня. Ты еще раз должна стать мушкой на ниточке. Я отвяжу тебя от себя и толкну в сторону этого забора. Ты, пролетая над ним со всех сил кинешь ледоруб с бечевкой, зацепишься и подтянешь себя. Ты поняла? Даже если ты пролетишь мимо, то как раз попадешь в вон ту рябину и удержишься в ней.

— А как же ты пап?

— Мона нет времени тебе объяснять весь мой хитрый план. Давай.

Я что было сил толкнул ее в сторону ограждения, она, пролетев несколько метров сделала, как я ей сказал ледоруб прочно уцепился за сетку рабицу и Мона подтянула себя к нему. Мой же подъем продолжился.

— Пап! Я все, давай теперь ты!

Я промолчал.

— Па-а-ап...

— Мона, котенок... Когда все закончится беги к центральному входу. Код я сейчас тебе скажу. Там ты будешь в безопасности. Найди помощь.

— Пап! Я без тебя не пойду!

— Пойдешь Мона! Ради меня пойдешь! Не плачь, все нормально...

Меня уносило в верх.

Паршиво конечно... Вот так на глазах у дочери в совершенно беспомощном состоянии...

Но тут случилась весьма неожиданная вещь. Меня сначала очень сильно кинуло в сторону, словно ударной волной, а потом так же резко в обратную сторону. Внизу подо мной закричала Мона. Котенок! Но дочка удержалась, вцепившись за сетку ограждения. Молодец дочка.

— Пап! Ты надо мной! – радостно воскликнула она.

— Нет Мона! Не делай этого не рискуй!

Но она уже подбросила моток нейлоновой бечёвки в мою сторону. Я бесполезно махнул пару раз руками, пытаюсь поймать конец и тут снова вернулось притяжение. Я рухнул с

довольно приличной высоты. Мне повезло и на моем пути оказался высокий куст жимолости. Если не считать множества царапин разной глубины, разбитые локти и рваную рубашку, то приземление вполне можно считать удачным. Я вскочил и прихрамывая побежал к дочери. Она как настоящая кошка прыгнула мне навстречу.

— Пап, я так испугалась, — прошептала она.

— Чего ты котенок? Я же тебе сказал, что твой старик что-нибудь придумает.

— Что например? — она посмотрела мне в глаза, — Свалиться с высоты? Не сочиняй.

Ты меня хотел бросить.

Я обнял ее.

— Прости Мона. Я не хотел тебя напугать.

Я посмотрел то место, где мы начали терять притяжение и место своего приземления. Выходило так, что это были действительно волны «потери гравитации», если так можно сказать. И если судить по силе, частоте и условному направлению, то эпицентр находился здесь, на предприятии компании, где я прокладывал линии коммуникаций.

— Охренеть! — сказал я вслух, смотря на главный корпус.

— Ты чего? — спросила Мона.

— Потому, что котенок, охренеть. Похоже мы с тобой там, где нужно. Давай-ка топаем в главный корпус и выясним что происходит.

Мы быстро миновали остаток пути и оказались перед центральным входом. Я набрал комбинацию из чисел в цифровом замке. Дверь мягко щелкнула и открылась.

— Ну вот котенок, по крайней мере мы с тобой выше потолка не улетим.

В фойе, царил полный беспорядок — а чего, собственно, ожидать, так сейчас везде. Мы пробрались через кучи разбросанных предметов внутреннего убранства и прошли в главный зал. Ни души вокруг.

— А у вас, тут, так всегда? Пусто? — спросила Мона с удивлением разглядывая окружающую обстановку.

— Не всегда... Но сегодня очень пусто...

Я, почесывая затылок, снова достал смартфон. Шкала сигнала отсутствовала — связи нет и значит нет никаких новостей. Где-то на предприятии я видел тарелку Старлинка. Если подключится к сигналу, то теоретически, должен появиться Интернет и следовательно новости. Но меня, больше всего, теперь, волновал другой вопрос — Мона права, где все люди?

— Насколько я знаю главный зал управления там, — я махнул в сторону широкого центрального прохода, — туда котенок.

Я не знал, что нам искать, но интуиция вела меня сейчас туда, где в моем подсознании я рассчитывал найти ответы на мои вопросы.

Мы миновали его, поочередно заглядывая во все открытые помещения. Несколько дверей были закрыты. Мы уперлись в лестницу, которая вела вниз, но выход перекрывался дверью с кодом.

— Черт бы побрал это проклятое здание!

Я понял, что мы в тупике.

— А там что? — Мона вопросительно подняла палец.

— Административные помещения и прочая хрень, — не выдержал я.

— Вот давай с них и начнем.

Мы вернулись назад и стали подниматься на верх. И тут снова началось, но это уже был немного иной гравитационный провал чем раньше. Сначала также все, как и раньше: в теле образовалась некая легкость. Потом ноги оторвались от пола. Но то, что случилось далее напугало очень сильно — нас швырнуло в сторону, словно мы попали в волну шторма. Я вовремя успел схватить дочь и прижать к себе. Меня со всего маху впечатало в стену. Мне показалось что хрустнули все кости, какие только есть в человеке. Я едва сдержал вопль, чтобы не испу-

гать Мону. И тут то, что я увидел напугало меня уже не на шутку. Направление откуда мы пришли... Стены стали прозрачными, и мы увидели вращающийся тонкий столб ярко красного цвета с каким-то ультрафиолетовым ореолом, я понимаю, что человеческий глаз не может видеть ультрафиолет, но я готов был поклясться, что вижу именно абрис из ультрафиолетового тумана. Нас тянуло к нему. Часть здания имела в своей конструкции несущие опоры из особо прочной стали, которые почему-то не растворились. И вот такая единственная оказалась на нашем пути. Она стояла на нашем пути как палец доброго Бога, дарующего человеку надежду на спасение. Мы зацепились за нее и я, перекинув несколько раз туристический трос остановил наш полет в сторону загадочного столба.

— Пап, это что? – прошептала, жмурясь Мона.

— Котенок я первый раз вижу эту чертовщину.

Мы с замиранием сердца смотрели, как вращается тонкий столб втягивая в себя все предметы. Я только не мог понять почему стальные сваи ни коим образом не поддаются этому воздействию. Но вскоре понял, когда огляделся вокруг и увидел, что сваи сверху соединялись с поперечными балками и вся эта ажурная конструкция подсвечивалась дуговыми полями слабо ионизированной плазмы. Мать честная, подумал я. Ведь этот контур образует нечто вроде индукционного силового поля как-то взаимодействуя со странным столбом. Мне, честно говоря, плевать, как взаимодействуют, главное, чтобы эффект держался, как можно дольше. Волна гравитационного провала тем временем ушла дальше и последствия ее воздействия продолжали делать прозрачными остальные стены. неожиданно за нашей спиной раздался вопль. Я обернулся и видел, как в нашу сторону летит девушка. Еще немного и она войдет в ареал притяжения столба и аннигилируется, как и все объекты, попавшие в него.

— Пап! Сделай что-нибудь!

Я выбрал немного троса и оттолкнулся от спасительного столба.

— Держи мою руку! – крикнул я девушке протягивая ее ей.

Она схватила ее, вцепившись так что из-под ее ногтей показалась моя кровь.

— Полегче, — выдавил я из себя.

Потом я аккуратно подтянул нас к столбу и перекинув трос примотал уже троих человек.

— Все, можешь отпускать мою руку, — сказал я девушке, и повторил, — отпусти, пожалуйста, она уже посинела от потери крови, — усмехнулся я.

— Вы кто? – спросила Мона.

— Вар-вара, — ответила девушка выстукивая зубную дробь от приливов страха и нервного напряжения.

— Я Мона, — ответила дочь, — а этот красавец мужчина, мой отец. Он может всегда найти выход из любой сложной ситуации... Ну почти всегда.

Я искоса посмотрел на девушку. Симпатичная. Рыжеватые волосы с соломенным оттенком и большие глаза с зелеными зрачками. Надо отметить, что от страха она раскрыла выше их физической мышечной возможности.

— А вы как здесь оказались, — продолжала Мона допрос.

— Я младший научный сотрудник. Вот только после университета пришла в компанию.

— Так значит вы в курсе, что здесь творится?

Похоже, что я задал вопрос слишком жестко. Девушка испуганно моргнула.

— Я не виновата.

— Прошу прощения, — буркнул я, — я вас не обвиняю.

Тем временем закончился гравитационный провал. Мы повалились кучей на пол. Причем девочки сверху на меня, что вызвало радостный смех Моны.

— Пап! Покатай нас!

— Нашла время веселиться, — проворчал я, стряхивая их с себя и вставая.

Мы уставились на Варвару. После непродолжительной паузы, повисшей в воздухе, я спросил.

— У тебя нет желания рассказать, что здесь произошло? Там! — я указал пальцем за стены здания, — Погибли люди. Мы едва не погибли. Все к чертовой матери периодически теряет гравитацию и направляется в космос.

Она, не глядя мне в глаза вздохнула.

— Я всего лишь младший научный сотрудник. Я всего-то здесь пару недель как после университета.

— И ты не в курсе. Святая простота!

— Пап, — строго одернула меня Мона, — что ты пристал? Нашел крайнего человека! Напомню тебе. Что ты сам здесь работаешь, а ничего толком не знаешь.

— Да я...

Но Мона уперла руки в бока, поджала губы, широко открыла глаза — ненавижу, когда она вот так делает.

— А мне показалось, что я вас где-то видела, — улыбнулась Варвара.

— Простите.

Я примирительно махнул рукой и присел с ним на пол рядом.

— Я инженер коммуникаций. Электрика, сети и прочая хрень. Герман... Зовите просто Гера.

— А вы меня зовите просто Варя. Не люблю, когда меня называют Варвара. Я астрофизик.

Мы с Моной как по команде повернулись к ней.

— Астрофизик? И чего здесь нужно астрофизику?

— Да... Я не все знаю, — сказала Варя, — примерно год назад в Землю ударил тонкий луч, исходящий от аккреционного диска черной дыры, и прожег в земной коре тонкое отверстие.

— И какова глубина?

Я спросил и затаил дыхание, предчувствуя ответ.

— Я точную глубину назвать не могу, — пожалала плечами она, — но профессор Анатолий Давидович Якимберг говорил о том, что он возможно прошил землю насквозь пройдя через ядро из расплавленного железа.

— О-о-о-ху-е-еть...

— Па-ап.

— Прости котенок, но сама видишь есть от чего. Варя, а какое значение имеет это событие для развития транспорта будущего. Я что-то не могу уловить связи.

— Тут, как бы все сложнее. Дело в том, что гравитация, как выяснилось имеет немного не ту природу, о которой мы подозревали. Как бы, да она имеет все те же физические величины и свойства, но вот как выяснилось природа ее происхождения не та.

Мы молча смотрели на нее.

— Ее природа имеет информационное происхождение и сущность.

После некоторого молчания я сказал, обращаясь к дочери.

— Дважды «то самое», что ты мне не позволяешь произнести котенок. И как вы можете воздействовать на гравитацию Земли?

— Через воздействие на информацию задающую гравитационную частоту земного ядра.

— Этот светящийся стержень..., — предположил я.

— Да это носитель информации. Вернее, посредством его переносится информация к ядру и от него.

— Я ни черта не понял, кроме того, что вы что хотели остановить ядро Земли?

— Нет! Это невозможно! Мы просто хотели создать некий мост или дугу, которая совпадет с частотой земного ядра и откроет возможности генерировать закрытые коридоры без гравитации и с помощью них создать транспортную систему.

— Что получилось мы уже видели, — философски заметила Мона, — что-то пошло не так.

Я посмотрел на дочь – и когда она успела стать такой взрослой? Умная не по годам — конечно же в меня.

— Так! Еще раз объясни мне, как это работает и причем тут астрофизика.

Варя вздохнула.

— Дело в том, что гравитация не является фундаментальной силой, а представляет собой эмерджентный феномен...

— По-русски пожалуйста!

— Па-а-ап! – строго сказала Мона.

— Прошу прощения, если это прозвучало слишком грубо.

Варя, не обращая внимания продолжила.

— Это некий производный феномен, возникающий вследствие чего-то во Вселенной.

— Гравитационные волны от массивных объектов, — довольно кивнула, со знанием дела, Мона.

— Да, гравитационные волны идущие, например от слияния двух массивных черных дыр, которые искривляют пространство, — улыбнулась ей Варя, удивленно прищурив глаза.

— Я один здесь похоже дурак, — буркнул я.

— Пап, просто, когда ты дрыхнешь по выходным, храпя как Иерихонские трубы, я смотрю Дискавери, а не как ты думаешь, зависаю в Тик-Токе.

Варя, не выдержала, и прыснула смешком, прикрыв рот ладонью.

Они явно уже смогли быстро проникнуться какой-то внутренней симпатией друг к другу и дочь увидела в этой милой и хрупкой девушке, что-то очень ей нужное.

— Хорошо, черт возьми, Варвара... Варя давай разберемся какую внештатку вы тут замутили.

— В компании смогли найти подтверждение тому объяснению, почему галактики на внешней границе Вселенной движутся быстрее, якобы даже выше, чем скорость света. Все дело в той информации что несут в себе гравитационные волны. Подобно тому, как температура возникает из-за движения молекул, гравитация появляется благодаря сдвигам в фундаментальных единицах информации, которые хранятся в структурах пространства-времени.

— Ну вот как раз, похоже, одна из них скоро накатит, — сказал я, чувствуя уже до боли знакомую легкость в теле.

В этот раз я уже заметил, что даже стальные конструкции начинают вибрировать странным образом, словно они состоят из бесконечного числа частиц, внезапно пришедших в движение между собой. Меня это очень сильно беспокоило. В этот раз я более внимательно и хладнокровно осмотрел помещение, в котором находился передатчик в виде энергетического столба. Работая в компании, я тянул сетевые провода и прочую коммуникацию по кабинетам и лабораториям, даже не подозревая, как огромная пустая полость находится под комплексом небольших зданий. Я с удивлением смотрел на гигантскую сферическую подземную каверну, по-видимому, укрепленную бетонными арками и стяжками в центре которой вращался энергетический стержень, синхронизирующий информацию от гравитационных волн космоса и земного ядра. Вокруг стержня изгибаясь фиолетовыми плетями, вместе с ним, вращались упругими жгутами гравитационные дуги, о которых говорила Варя. Некоторые дуги выходили из небольших отверстий в стенах. Энергетические жгуты, изгибаясь, вытягивались в крутую дугу и когда натяжение становилось критическим, она словно хлыст делал петлеобразное движение и перескакивала к другой точке, напоминая чем-то, известную всем детскую игрушку плаз-

менный шар Теслы магический с молниями. Вот только масштабы потрясали. Рядом каждым отверстием находилась небольшая площадка, наверное, для технического обслуживания запирающих призм, что вращались в отверстиях. У меня пересохло в горле – исполинские размеры проекта потрясали. Когда опасность миновала настала пора действовать, я понял, что ситуация развивается с каждым разом наращивая свою разрушительную мощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.